

Полярный круг

ПРО САЛЕХАРД И ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Специальное литературное приложение

№ 11/2 (1650) 14 марта 2024 года

Выходит в четверг. Издаётся в г. Салехарде с 13 февраля 1992 года 12+

Жители тундры ценят печатные издания. Вечерами в чуме читают газеты и журналы всей семьёй, а особенно понравившиеся хранят и перечитывают.

К Дню оленевода редакция «ПК» подготовила подарок для кочевников – это приложение, где собраны литературные произведения молодых авторов, участников творческого объединения «Ругинский клуб»: воспоминания о детстве в тундре и на рыбацких песках, сказки, притчи. Также читатели познакомятся с культурой и бытом чукчей Рес-

публики Саха (Якутия) через короткие рассказы начинающей писательницы – представительницы самобытного народа.

В России 2024 год объявлен Годом семьи, на Ямале – Годом детства, поэтому надеемся, что наше приложение станет маленьким шагом к большой цели: популяризировать детское и семейное чтение.

Тираж издан при поддержке АНО «Окружной молодёжный центр» в рамках проекта «Коммуникативная площадка для молодёжи из числа коренных малочисленных народов Севера».

Салехардец Дмитрий Кельчин пишет прозу о северянах. Вот что он рассказал о себе: «Я написал свои первые рассказы пару лет назад. Герои моих произведений – реальные люди, истории которых меня вдохновляют».

Будущий учитель начальных классов Яяне Лаптандер родом из Приуральяского района. Её семья кочует от побережья Карского моря через горы Полярного Урала до лесотундры на зимние пастбища. – Родители всегда рекомендовали мне заниматься тем, к чему душа стремится, поэтому я увлеклась именно литературой, – вспоминает студентка.

Идущий по воде (отрывок из рассказа)

Надо мной только небо и звёзды. Отчётливо слышу своё сердцебиение. Слышу удары по льду, это Идущие по воде. Их не видно во тьме, сквозь которую с трудом пробиваются даже звёзды. Идущие бьют пешнями: орудиями, напоминающими древние копыя, которыми прорубают поверхность льда. Они передавались от отца к сыну, каждый наследник осознавал, что он рыболов. Пешня не даёт мне забыть, кто я и кем были мои предки. Тяжесть её говорит о том, какой сильной и выносливой была рука их. Крепко держу пешню, будтожимаю ладонь своих прадедов. Гордо стою, уверенно смотрю вдаль. Всё крепче и крепче сжимаю рукоятку, обещая с честью и достоинством пронести через свою жизнь, сохранить доброе имя рода, честь семьи. Пусть ведут меня они, как поводья слепого.

Когда шёл по воде, я мысленно обратился к духам предков: «С колыбели Вы со мной. Следую Вашим советам и прислушиваюсь к Вашим голосам. Хоть они и не слышны чужому уху, я чувствую их отголоски внутри себя. Я всё помню, я поступаю так, как Вы когда-то учили меня. Вы – часть меня, а подводить самого себя я не имею права».

Я слышу всплеск воды. Значит, лёд уже разбит. Слышу, как медленно опускаются в воду руки Идущего, как скрупулёзно обвязывают глыбу льда верёвкой. Река не обижает, потому что его ладони ей хорошо знакомы. Их она помнит с тех пор, когда Идущий был ещё совсем ребёнком, маленьким помощником своего отца.

Мы тянем неподъёмную глыбу льда, такую же широкую и крепкую, как спины Идущих. Даже троим она не поддаётся. Придётся разбивать пополам. От тяжести борьбы с застывшей силой, с этим ледяным богатырём мы даже не чувствуем холода, но эта смертельная усталость даёт нам силы жить, чувствовать себя живыми.

День на Севере короткий. Пока обвязывали и тянули глыбу, уже стемнело. Идущий зажгёт спичку. На миг показалось, что взойшло Солнце, разогнав своим красноватым светом ночные чёрные тени, но этот светлый миг оказался мимолётным. Огонь погас, а на смену ему пришёл горький запах табачного дыма.

Я слышу Идущих по воде. Слушаю их учащённое дыхание на морозе. Так дышит только тяжёлый труд. Это дыхание разносится над рекой уже не одно столетие. Рыбы, зная места прорубей, проплывают огромные расстояния к ним, чтобы сделать вдох. Кружат в невесомости. Мы дышим с ними одним воздухом. Нас воспитала одна мать, мы Северорождённые. Я делаю вдох и представляю те былые времена, когда наши предки шагали по этому суровому, безжалостному краю. Там, где даже солнце боится показаться, дабы не погибнуть от холода. Без солнечного света нет жизненных сил. Его нам заменила северная рыба. Мы нашли своё Солнце в реке и сумели поднять Его из самых глубин. Если оно погаснет, ослабнет рука. Прекратят стучать пешни по льду и наши сердца вместе с ними.

Притча о двух берёзах

Подставив свои листочки летнему ветерку, Берёза оглянулась вокруг. Ей казалось, что она самое прекрасное явление в этом мире. Утренний дождик помыл ей листочки, от чего они стали нежно-зелёными, блестящими, словно лакированными. Ствол был белоснежным и стройным, украшали его чёрные крапинки. Берёза была высокой и стройной.

Критично оглядев соседку, Берёза ещё шире расправила ветви, распушила листья. Её соседка была маленькой, ствол не был стройным, на нём терялись чёрные отметки, которые для Берёзы были явным украшением, листья были маленькими.

Осенью неожиданно налетел шквалистый ветер. Берёза шаталась, сильно наклонялась под его порывами, а он безжалостно срывал с неё золотистые листочки. Было очень жалко, ведь только недавно она надела золотой осенний наряд. Берёзке было больно и обидно до слёз. Младшая сестра Карликовая берёза утешала её. Саму её ветер почти не тронул – она укрылась между кустов.

«С Карликовой берёзки сорвало немного листьев», – подумала Берёза и нахмурилась. Она оглядывала свои голые ветви

– Мне темно и страшно, – плакала она.

– Зато тебе тепло, и ветер не ломает твои ветви, – возразила Берёза.

Сестрёнка успокоилась и всю зиму пряталась под снегом, переговариваясь с сестрой, даже не видя её.

Наступила весна. Снег растаял, и Карликовая берёзка с облегчением расправила свои ветви. Но что-то изменилось. Ветер если и подлетал к Карликовой берёзке, чтобы поиграть её ветвями, то делал это грубо и недолго. Любимые и знакомые птицы всё чаще пролетали мимо. Да и Берёза стала меньше с ней общаться.

– Что-то не так? Что случилось? Почему ты общаешься меньше со мной?

Берёза долго молчала, но потом решила всё выложить:

– Посмотри на себя. Ствол твой кривой, ты маленькая, неказистая.

Люди бросают тебя в костёр, потому что на большее ты не годишься. Все стали смеяться надо мной из-за тебя. За зиму я нашла много других друзей получше тебя...

Обидно было это слушать Карликовой берёзе. С тех пор Карликовая берёза и Берёза не растут рядом. Хотя, наверное, очень скучают друг по другу.

У всех есть свои недостатки, и надо принимать их такими, какие они есть.

Яяне ЛАПТАНДЕР

Красавица!

– Доброе утро.

Берёза повернулась на приветствие. С ней здоровалась Карликовая берёза, её сестра. Деревья росли рядом, дружили, часто шептались, обсуждая происходя-

и старалась выставить напоказ многочисленные оставшиеся листочки. Карликовая берёза всё поняла, стала утешать сестрёнку, и та вскоре успокоилась.

Наступила зима, и однажды после сильного снегопада Берёза услышала тихий плач. Это плакала сестрёнка, но её не было видно. Берёза поняла, что Карликовая берёза находится под снегом.

Откуда берутся облака

(Сказка на ненецкий лад)

Жительница Аксарки Мария Наговицына работает учителем в школе, под её руководством победителями и призёрами литературных конкурсов становятся и её ученики.

На бескрайних просторах тундры пасутся тучные богатые стада. Это олени Ате'ны – мудро и зоркого охотника. Это у него самые умные собаки, самые роскошные чумы, это его жена носит самые тёплые ягушки, а дети могут похвастать самыми красивыми игрушками.

Ате'на много лет кочует по тундре, знает повадки диких зверей и рыбные места. Этому его обучили ещё отец и дед. Из поколения в поколение приумножали они стада. Свято почитая это, Ате'на тоже старается быть лучшим, и все в племени знают, что никто лучше него не поймает оленя тынзяном и не выстрелит песцу в глаз с дальнего расстояния.

Но, как известно, и на солнце бывают пятна.

Растут у Ате'ны двое детишек: старший Сэвтя и непоседливая Я'хане. Я'хане не в пример брату дикая, прыткая, как бег оленя по утреннему насту. Глаза её хитро шуряются, всегда готова к шалости, а в носках ярко горят красные ленты.

Не налюбуется на дочь Ате'на, посмеивается:

– На охоту ты со мной пойдёшь, настоящая добытчица!

Старший сын Сэвтя слышит эти слова, забившись в глубину чума. Горько и обидно ему слышать это как будущему мужчине. Всего боится мальчишка: сова ли ночью низко пролетит, олень ли захоркает, вьюга ли за пологом чума разыграется.

Ате'на знает об этом и говорит, печально вздыхая:

– А Сэвтя будет с мамой на костре лепёшки печь, пока мы с Я'хане охотимся.

Идёт день за днём, всё задорнее и неугомоннее становится Я'хане, всё тише и трусливее Сэвтя. В один из непогожих дней отец вернулся от стада встревоженный:

– Поднимается буря, олени беспокоятся. Не уходите далеко от чума, слышишь ты меня, Я'хане? Слышишь, Сэвтя?

Уснуло поздним вечером стойбище. Взвояет позёмкой ветер – вздрогнет мальчик, всколыхнётся пламя очага – уж чудятся ему волки и медведи с оскаленными зубами.

Вскоре Ате'на и жена его уснули. Не спят только дети. Внезапно девочка поднялась, направилась к выходу из чума.

– Куда ты? Забыла, что отец сказал? – встрепенулся брат.

Я'хане досадливо махнула рукой:

– Я скоро вернусь. Там Бусинке страшно и холодно.

Бусинка – любимая лайка девочки, ни на миг не расстаются они в своих шалостях. Сэвтя спрятал голову под

одеяло, надеясь, что сестра скоро вернётся и не проснётся отец.

Много времени прошло, нет Я'хане. Уже и костёр начал гаснуть, и буря на спад пошла. Не идёт девочка. Сел Сэвтя, думает: «Выйду – волк съест. Не выйду – отец с матерью заругают. А куда идти? А вдруг буря опять поднимется? Заблужусь, упаду в сугроб и замёрзну! Но ведь там сестра, совсем одна... Ей страшнее, чем мне!»

Дрожа то ли от страха, то ли от холода, надел Сэвтя малицу и вышел из чума.

Хрусткая ясная ночь на улице, будто и не было пурги. Олени успокоились, светит полная луна, да вот следов Я'хане не видно – замело. И не позвать её – родители услышат, проснутся, ой что будет!

Поднял голову к луне мальчик и шёпотом взмолился:

– Как мне найти сестру? Я больше не буду бояться, даже если мне встретится медведь! Только бы Я'хане была дома.

Не успел он произнести эти слова, как огонёк в чуме разгорелся снова, а из чума от него в небо повалил дымок. Превратился дым в облака, которые вереницей лодок поплыли по чистому небу. Пошёл за ними мальчик и нашёл сестру далеко от чума – заблудилась. А рядом с ней глупая Бусинка поскуливает, молодая ещё, пугливая.

Взял Сэвтя сестру за руку и пошёл за облаками обратно к родному чуму. На следующее утро всё стойбище знало от Я'хане о смелом мужском поступке её брата. С тех пор уже никто не смел называть мальчишку трусом, а

РИСУНОК АННЫ ВАРЧЕНТИН

отец Ате'на стал гордо и с уважением смотреть на сына.

Плывут по небу облака из чума, всегда показывая путь к родному дому для тех, кто устал или заблудился, по-

этому никто из ребятишек уже не спрашивает, откуда берутся облака на небе. Все знают – их создали храбрость и великая сила простого мальчика по имени Сэвтя.

Юлия Окотэтто родом из Новопортовской тундры. Будущий медик пишет стихи, тем более что с детства перед ней был пример дяди – писателя Вячеслава Вануйто посвятил племяннице произведение «Урок на будущее». Сегодня она продолжает творческую династию:

– Своими стихами я показываю, что наша молодёжь стремится к литературному творчеству и новым знаниям.

* * *

Эх, иду я в холод домой – это Север.
И звенят провода, перебивая мой плейер.
А на белом снегу лежит роза,
Ну как же ты оказалась на морозе?

Ах, понятно мне всё, тут любовь пострадала.
Видно, милая вам вот-вот отказала.
Твой букет вылетает из окон на снег!
Ты не выдержишь это, ты не сверхчеловек!

Её сердце давно полюбило другого,
Пацана-хулигана, ну просто крутого!
Да, мне жаль эти милые розы,
и теперь ты поймёшь,
Почему они гибнут в морозы.

Юлия ОКОТЭТТО

РИСУНОК МАКСИМА БАЕВА

Салехардский педагог и общественница Некочка Окотэтто пишет стихи с тринадцати лет. Подписывает свои произведения псевдонимом Лилия Тайбери.
– Я мечтаю найти композиторов и звукорежиссёров, чтобы создать на свои стихи музыку и записать песни, – рассказала северянка.

* * *

Я в памяти рисую твой облик.
Ты будто рядом, но так далеко.
Всё такой же красивый и мудрый,
И смотришь на меня так легко.
И жадно мусолю минуты,
Что в сердце я так берегу.
Я бегу к тебе снова и снова.
Ведь снова тебя я ищу.
И стоя у окна безмолвно,
Смотря на красивый закат,
Вижу, как растворяется солнце,
Как будто в твоих лучах.
Но украдкой глядя на небо,
Сердце щемит от тоски.
О, память, прошу, рисуй чётче,
Не упусти ни одной черты.

Емзне ТАЙБЕРИ

* * *

Мы падали вниз, срываясь с обрыва,
Не верили в бога, но ждали чего-то.
Кричали до хрипа: «Конец очень близок»,
А сами на старте застряли, но что-то...

Внутри остаётся при мысли о падших,
Однажды предавших, любимых когда-то.
И с пеной у рта защитит их пытались,
Не зная, что им это было не надо.

Мы верили. Вера была безгранична
В людей, под чьим знаменем шли, не сдаваясь.
Мы думали, счастье, оно где-то близко.
И ждали наивные, ждали.

Открыть свою душу для новых свершений?
Осмелиться крылья свои вновь расправить?

Жительница Салехарда Емзне Тайбери по профессии экономист. Литература для неё стала способом эмоциональной разрядки.

– Я не всегда могу говорить о своих переживаниях или впечатлениях. Тогда на помощь мне приходят стихи. И ещё это возможность почувствовать, что создаю что-то прекрасное, – поделилась молодая поэтесса.

И стать снова чей-то лёгкой мишенью?
Не нужно! А лучше всё это исправить.

Стать сильным. Поверить в свои начинания,
Решиться на подвиг, что был неприступен.
Гореть и поддерживать внутренний фанел,
Огнём согреть своим самым радушным.

Поверить в судьбу и во все её знаки,
Принять себя, слышишь, ты сам себе нужен.
Хранить, как когда-то хранил чью-то душу,
Искать, узнавать и учиться быть лучше!

Да, сложно порою бывает решиться,
И в море свои есть подводные камни.
Но как же легко в серых днях раствориться,
А ты всё успеешь, чтоб осталось на память.

Лилия ТАЙБЕРИ

Татьяна Вельвина (Вэникэй) родилась в п. Колымское Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия) в семье оленевода. Её национальное имя Вэникэй, что в переводе с чукотского означает «колокольчик». Студентка изучает родной язык в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.

С детства пишет стихи и рассказы. Её отец всегда делал заметки в тетрадях и вёл дневники о повседневной жизни и событиях, и дочь подражала ему. Повзрослев, будучи в больших городах, тосковала по тундре. В своих воспоминаниях возвращалась домой – в прекрасные дни её детства. Тогда и начала писать об этом в своих заметках, а потом и в социальных сетях.

– Я хочу, чтобы через мои короткие рассказы люди почувствовали себя жителями яранги, кочующими по тундре. Ведь мало кто пишет об обычной жизни. Многие думают, что мы там всё время на оленях и в холоде, но есть и другая сторона – простая романтика и радости жизни чукчей, – поделилась начинающая писательница.

О моём небе

Вот ещё нет комаров, и снег ещё кое-где встречается, птицы прилетели, солнце ласково греет землю, оленята окрепли, и у них появляются маленькие отростки рогов...

Чуть отойдя от яранги, постелив шкуру, ты лежишь на земле и щуришь глаза, стараясь разглядеть невероятно бездонное небо. И сколько бы ты ни смотрел, сколько бы ни старался брать бинокль и рассмотреть его, оно всё так же далёкое и неизвестное... По небу плывут нежные и такие вкусные облака. Вытяни руку, и ты будто достанешь их... И каждый час небо дарит новые краски и новые ощущения, вот оно лазурное, что глаза не могут вкусить всю глубину цвета. Вот разлито красными и розовыми облаками, очаровывающими мягкостью и чувством наслаждения от прошедшего дня. И нет ни времени, ни мыслей, есть только ты и это небо...

Солнце уже с каждым днём всё ниже и ниже садится за тундру. Дойдя до Восточно-Сибирского моря, мы кочуем по обратному маршруту в сторону леса, чтобы успеть до зимы укрыться от постоянных буранов и метелей. Стадо оленей уже имеет чёрный окрас, заметно прибавили в весе после короткого и насыщенного лета. В яранге иногда горят свечи и керосиновые лампы. Самые любопытные из нас начинают по вечерам искать на небе звёзды, ведь если ты увидишь первую звёздочку после полярных дней и загадаешь желание, то оно обязательно сбывается... Вы сидите вечерами на нартах в поисках звёзд и смеётесь, разговаривая о прошедших днях.

Мама в яранге готовит полог (прямоугольная навесная конструкция из ткани, своего рода маленькая спальня внутри дома), заносит шкуры для сна. Папа бережно плетёт чаат (ар-

кан для оленей) из оленьей замши, красивый и прочный, ни одна верёвка, кажется, не сравнится с чаатом, искусно сделанным руками умельца. Раздаётся радостный смех молодёжи и детей, какой-то счастливчик разглядел первую звезду! Он заходит в дом первый и рассказывает взрослым об этом, они ласково смеются и поздравляют его. Ещё несколько дней эта новость будет ходить по нашей кочевой бригаде и заставлять людей улыбаться.

Каждый день видно всё больше и больше звёзд, ночи становятся холоднее и длиннее, а небо темнее и глубже... За чудом зимней яранги гуляет холодный и беспощадный ветер. В печи трещат дрова, возле неё дымит вскипевший чайник, приглашая нас к чаю. На жердях висят плёкты (зимняя обувь с мягкой подошвой), малахаи (головной убор), камлейки (верхняя одежда)...

Выйдя на улицу в безоблачную погоду, не веришь своим глазам. Ты находишься в невероятном пространстве... Земля кажется такой маленькой, незаметной под этим огромным ночным куполом. Из-за темноты будто и нет под твоими ногами её, только ты и небо, усеянное миллиардами звёзд и комет. И вот ты опять паришь где-то далеко от современного мира, есть только ты и это небо... Зовущее к себе, бездонное и родное...

Приехав в город, я по привычке смотрела в небо, но оно было чужое... Не будило во мне тягу к тайнам, нежности и той душевной глубины. Я шла, смотря лишь на дорогу перед собой, ведь наверху было пусто, что даже больно. Но иногда и то небо дарило невероятно красивые виды...

А моё сердце всё так же тосковало по глубокому и необъятному родному небу над Колымой...

Хлеб счастья

Родители рыбачили, охотились и занимались оленеводством, поэтому почти всё детство мы были в тундре. У нас не было интернета, да и телевизора с каналами, но мы всегда находили занятие себе, было весело, и мы не замечали, как взрослые...

Помню, однажды мой брат заболел. Он совсем плохо себя чувствовал и лежал в доме. Рация в наших краях была единственным средством связи, но её на тот момент у нас не оказалось... Родители с одного рыболовецкого участка поехали на собачьих упряжках в дружбу за лекарствами.

И вот они уехали, остались только сестра, брат и я. Было очень грустно наблюдать, как брат лежит и болеет... Одевшись, мы с сестрой пошли вдоль нашего домашнего озера, оно было огромным. Была весна, птицы начали гнездиться. Мы шли по берегу и думали о брате, родителей, что же может поднять их настроение... И в этот момент прямо из-под ног вылетела утка, от неожиданности мы отскочили. Видим, гнездо, на нашем озере много было гнездовых уток, чаек и других птиц. Заглянули, а там яйца, да так много! Обрадовавшись, мы взяли их и пошли домой.

Рядом с домом находилась поварня (место, где готовилась еда). Счастливые, мы начали печь хлеб. До того были счастливы, что спустились десять яиц в тесто, думали, что чем больше, тем лучше. Замесили всё это дело, поставили сковороду на таган (железка с четырьмя ногами, ставится над огнём для готовки). Ой, а какой был вкусный запах от готовившегося хлеба! Брат был совсем слабый, но пришёл и сел рядом с нами. Готовка была долгой, наш смех не умолкал, казалось, что вот оно, счастье.

Занесли приготовленный хлеб в дом, чуть погодя приехали родители, и мы стали чай пить с нашим произведением искусства. Казалось, это был совсем не хлеб. Но такой вкусный, такого я больше нигде не ела. То ли это счастье, то ли это действительно вкусный хлеб. Наш маленький тундровый дом был наполнен смехом, счастьем и запахом нашей кулинарии... Брат вскоре выздоровел, и опять мы бежали по нашей Халарче в поисках новых приключений. А этот хлеб счастья мы всегда вспоминаем со смехом и любовью.

Сборы домой

На горизонте уже подолгу задерживалось солнце. Посёлок таял, вокруг снег, большие лужи расположились по всей центральной дороге. Резиновые сапоги, без которых нельзя выйти совершенно никуда. Дети уже почернели от яркого отражающегося от снега солнца. Тонкий лёд, покрывающий окна, начал таять, и было полностью видно главную дорогу.

Мы только пришли из школы. В прихожей лежат большие горы зимних вещей. Ура! Значит, едем в тундру! Счастливые и беззаботные начинаем примерять ватники, нэкрэр (чукотский комбинезон), плёкты (зимняя обувь с мягкой подошвой), шапки. Одетье бегаем по дому, пока мама не начнёт ругать за лишний шум и суматоху. На кухне готовые сумки с едой на дорогу, пакеты с летними припасами, всё лежит аккуратно и ждёт отправления. Но мы-то с братом хорошо знаем, что где-то обязательно есть большая сумка со сладостями на лето. Нужный момент, и вот мы, довольные, а сумки стоят все раскрытые. Убегаем в комнату и ждём, что мама будет ругать нас, хихикаем. Время чай пить, мы на кухне, на столе лежат ещё вкусняшки, мама вытаскивала, она ведь знает нас.

Пришёл папа, пахнущий бензином и улицей. М-м-м, этот запах щекочет нос, и чувство встречи с родной тундрой приводит нас в волнение.

Родители приглушённо говорят на кухне, телевизор тихо работает, приготовленные вещи для каждого члена семьи лежат на своих местах. Мы заснули...

Четыре утра, мама будит нас. Папа уже ушёл к «Бурану». Закрыв дом, мы, круглые от одежд и сонные, идём к ки-

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ТАТЬЯНЫ ВЕЛВИНОЙ

битке (нарта для перевозки детей, людей, имеет четырёхугольную форму с дверью, ставится поверх нарты, своего рода карета). Всё уже подготовлено, и мы кладем последние вещи, мама рассказывает нас. Гул двигателя, скрип нарты, поехали. Собаки лаяли вслед, провожая нас в долгий путь...

Солнце встаёт, озаряя дорогу. Вот показалась бескрайняя Халарча (название низменности в нашей тундре). Мы в предвкушении нашего дома начинаем выглядывать из кибитки, хотя мама смотрит на нас грозными глазами, но с лаской и любовью. Хватая снег рукавицами по ходу движения, мы захотели играть в снежки, но по одному лишь мамину взгляду стало ясно, что нельзя.

Остановились на чай. Папины усы превратились в сосульки, большие камусные рукавицы лежат на руле, он красиво повязал малахай. Мама вытаскила термос и еду. Быстро перекусив, нас опять затолкали в кибитку. А старший брат уже стал сменять отца за рулём на «Буране», он ведь большой уже, а мы, мелкие, так завидовали ему, тоже хотели везти сами...

Далёкий лай собак, это, наверно, Ыттыкай (кличка одного из псов), спорим мы. Люди вышли из палатки (национальное жилище из оленьих шкур, отличается от яранги) и ждут приезжающих...

Ура, мы приехали домой! Родной запах дров, варящегося мяса, тундры, шкур. А впереди три месяца счастья и детства в нашем любимом стаде...

Паруса

Пахло весной. Мы уже успели загореть. А снег всё ещё лежал, но накрылся прочным настом.

Мы нашли горку, взяли ездые нарты, тазики (которые долго искала мама в яранге) и катались аж до ледяных штанов и рукавичек. Так далеко отъезжали от горки, но всё равно поднимались обратно, вот оно счастье ребёнка.

Вот мы, уставшие и голодные, идём домой. Но вдруг увидели чум от нарты (напоминает большой мешок с прямоугольным дном, ставится поверх нарты и в него складываются вещи). Наши глаза загорелись, усталость мигом прошла. Минута, и мы уже привязываем жерди к нарте. И вот ветер подхватил нас, и мы помчались на всей скорости, гонимые холодным северным ветром. Наши самодельные паруса крепко надулись, глаза от смеха даже накрылись слезами... Вот какие мы волшебники!

Мы так сильно увлеклись, что не заметили – яраны (дом) наш совсем стал маленьким... Резкое осознание ударило в голову, и мы начали бороться с парусом и ветром. Кое-как остановились, но без ушибов и боли не обошлось.

Дома всё такие же маленькие, мы идём и несём за собой нарты и парус. Смеёмся и болтаем о своих ощущениях и эмоциях, так здорово! Ноги в некоторых местах проваливаются под вечерний наст, ты весь укутанный в одежде, малахай боком на голове, ты идёшь краснощёкий и загорелый.

Совсем обессиленные мы дошли до дома, отряхиваемся от снега и заходим в зимнюю ярангу. Мама сидит у печки и печёт хлеб. Увидев нас, она тут же налила чая. На столе лежит ещё тёплый хлеб, пар идёт от мяса, кто-то лежит и решает сканворды и задаёт вопросы вслух. Фоном работает радио, где сейчас идёт передача «Калина красная». Один за другим заходят пастухи после работы и садятся за стол. Мы, уже поев, отодвигаемся к пологу, где расстелены шкуры для сна. Усталость от игр даёт о себе знать, и я медленно засыпаю под звуки разговоров взрослых. Слышу родные голоса, говорящие что-то о стаде, кто-то включил рацию, которая служит нам связью с миром. «Футляр», пастухи, я двадцать пятый...» – кричит радистка за сотни километров...

Вот я уже сплю, готовлюсь к новым приключениям в тундре...

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАКАРА ОКОТЭТТО

Макар Окоэтто родом из Яптиккалинской тундры. Потомственный рыбак и оленевод пишет стихи и прозу. Произведения Макара не раз были опубликованы на страницах газеты «Полярный круг». В 2023 году молодой северянин удостоился литературной премии губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа в номинации «Дебют».

Мальчишки Явко и Сойко возвращались домой после дневной прогулки. Оба несли пластиковые ведра, наполненные черникой и морошкой, время от времени их непослушные руки сами собой опускались в ведра, поштучно или целой горсткой бросали ягоды в рот. Весь путь они оживлённо беседовали и не заметили, как уже подошли к стойбищу. Вдруг Явко остановился и внимательно посмотрел на чумы.

– Стой! – крикнул он. – Подожди. Смотри, что я придумал. У нас в стойбище семь чумов: вот твой – крайний левый, а мой – посередине. Если представить, что наше стойбище – это Россия, тогда по карте мой чум получается Ямал, твой чум – Кольский полуостров, а самый правый, крайний, чум у дяди Мэсько – Чукотка.

– Повезло тебе, ты живёшь на Ямале, – ответил Сойко. – А где тогда будет Камчатка?

– Камчатка будет там, где нарты у дяди Мэсько. Нам надо сейчас пойти домой и найти карту, и тогда уже точно будем знать, где что находится.

Ребята быстро дошли до стойбища. Они начали ходить по чумам в поисках карты, в итоге нашли её в учебнике по истории для старших классов. Также к ним присоединились ещё двое ребят – мальчик Ёртя и девочка Папане. Вчетвером они отошли немного от чумов, сели на землю и начали изучать карту.

– Так вот, – с важным видом сказал Явко, ведя пальцем по карте. – Это чум Сойко, он находится на Кольском полу-

острове, дальше чум у Хасавако – в Архангельской области, где Нарьян-Мар.

– Ура-а-а, я якутяночка! – обрадовалась Папане и начала тут же танцевать и кружиться, возводя руки к небу, при этом пропевая какие-то магические, непонятные слова.

– Явко! У нас остались ещё два чума, а на карте места уже мало, – задумчиво произнёс молчавший до этого Сойко.

– В России каждому хватает места, – вместо Явко ответил Ёртя. – Сейчас мы поставим чум Вану'ири на Чукотку... Эх, а я бы не хотел жить на Чукотке, – вздохнул Ёртя, – потому что не хочу, чтобы про меня рас-

сказывали анекдоты. Это ведь обидно. Как вы думаете?

– Смотрите, я чукчанка, – обратила на себя внимание всегда весёлая Папане, она указательными пальцами растянула глаза к вискам, делая их как можно уже. – Вас так много?! Я смотрю на мир глазами чукчи... – пропела она.

– Так у тебя, Папане, глаза и так узкие! – перебил её Ёртя. – Какой вы хам! Вы меня оскорбили, – нарочито отвер-

нулась Папане, как бы вытирая слезу. – На самом деле, быть чукчей не так уж и плохо, я где-то читал, что они первоклассные охотники на китов, и вообще они неплохо живут, летом собирают оленей на квадроциклах. Вот только одежда у них какая-то странная, – констатировал Явко.

– Эх, будь я на Чукотке, я бы продал им свою малицу... Или патент на малицу, вот было бы много денег у меня, – мечтательно выдохнул Ёртя.

– Вернёмся к нашей карте, – продолжил Явко. – У нас остался один чум – чум дяди Мэсько. Смотрите, где он находится. Он немного ближе к нам, и поэтому стоит не вровень с другими чу-

– Так, Москву мы нашли. Теперь нам нужен флаг! – сказал главнокомандующий отряда Явко. – Чтобы отметить нашу столицу.

– У нас есть красный гоночный флаг, – предложил Ёртя.

– Пойдёт, у СССР флаг был красным, неси его, поставим на вандако, – распорядился Явко.

После того как ребята поставили флаг над Москвой, они пошли к большому загону для оленей (кораль), его левую сторону они обозначили как Кавказ, первая нарта коралья – это Республика Дагестан, затем Чечня, Осетия и т.д. Правая сторона коралья начиналась с Алтая, внутри же самого загона во всей своей красе, желтоватого

верная Земля, Новосибирские острова, остров Врангеля. Пускай это будут священные нарты, что позади чумов. А большое озеро, что тоже позади стойбища, будет Северным Ледовитым океаном, – сказал увлечённый процессом Явко.

– Эх, жалко, что не весна сейчас, – раздосадовался Ёртя. – Тогда и лёд был бы в нашем океане, потом, конечно же, он бы растаял и нас потопило бы.

– Эй, Явко, смотри, ты забыл Калининград! – указывая пальцем, сказала Папане.

Все разглядывали место, где должен быть Калининград. Сойко даже встал на нарту и начал смотреть куда-то далеко. – Сойко! – окрикнул его Ёртя. – Ты смотришь слишком далеко, мы не Африку ищем!

И тут ребята дружно засмеялись.

– Видите ту нарту, что стоит на боку и на которой сушатся ё'иня (упряжь для оленей), пускай она и будет Калининградом, как раз в сторонке и стоит она.

– Теперь нам надо обозначить реки, – предложил Явко. – Сойко, ты возьми свой аркан и завяжи его за пой'уто (нарта, которая ставится на чум возле входа) у чума Хасавако, это будет река Печора. Мы сделаем так же у своих чумов. Ёртя, у тебя Обь, у Папане – Лена, а у меня – Енисей.

После того как ребята обозначили реки, они взяли сярдабци (верёвки, которыми закрывают кораль) и ими провели Волгу и Дон, а на восточной стороне реку Амур. Они так же обозначили Москву-реку, проведя под вандако, который приходился Москвой, верёвку.

– Представлете! Моя мама выходит из чума, – рассказывает взволнованная Папане, то и дело переходящая на смех. – А я ей, такая, кричу: «Мама, не наступи на Лену! Мама, пожалуйста, не наступи на Лену!» Она, такая, смотрит под ноги и по сторонам и не может понять, про какую Лену я говорю. Потом она видит аркан, поднимает его через голову, при этом ещё ругается, что мальчишки везде бросают свои арканы. А я ей говорю: «Мама, поздравляю тебя! Ты прошла под Леной!» Она опять ничего понять не может, а я не могу удержаться от смеха. Вот забавно, она назвала меня дурочкой.

К этому времени к стойбищу начали подъезжать рыбаки, четыре упряжки ехали с запада, на что Ёртя сказал: «Вот и фашисты наступают». Явко ему ответил:

– Нет, это наши разведчики возвращаются с дарами.

– Надеюсь, дары у них жирные и вкусные, – сказал Сойко, снова встав на нарту где-то в средней полосе России...

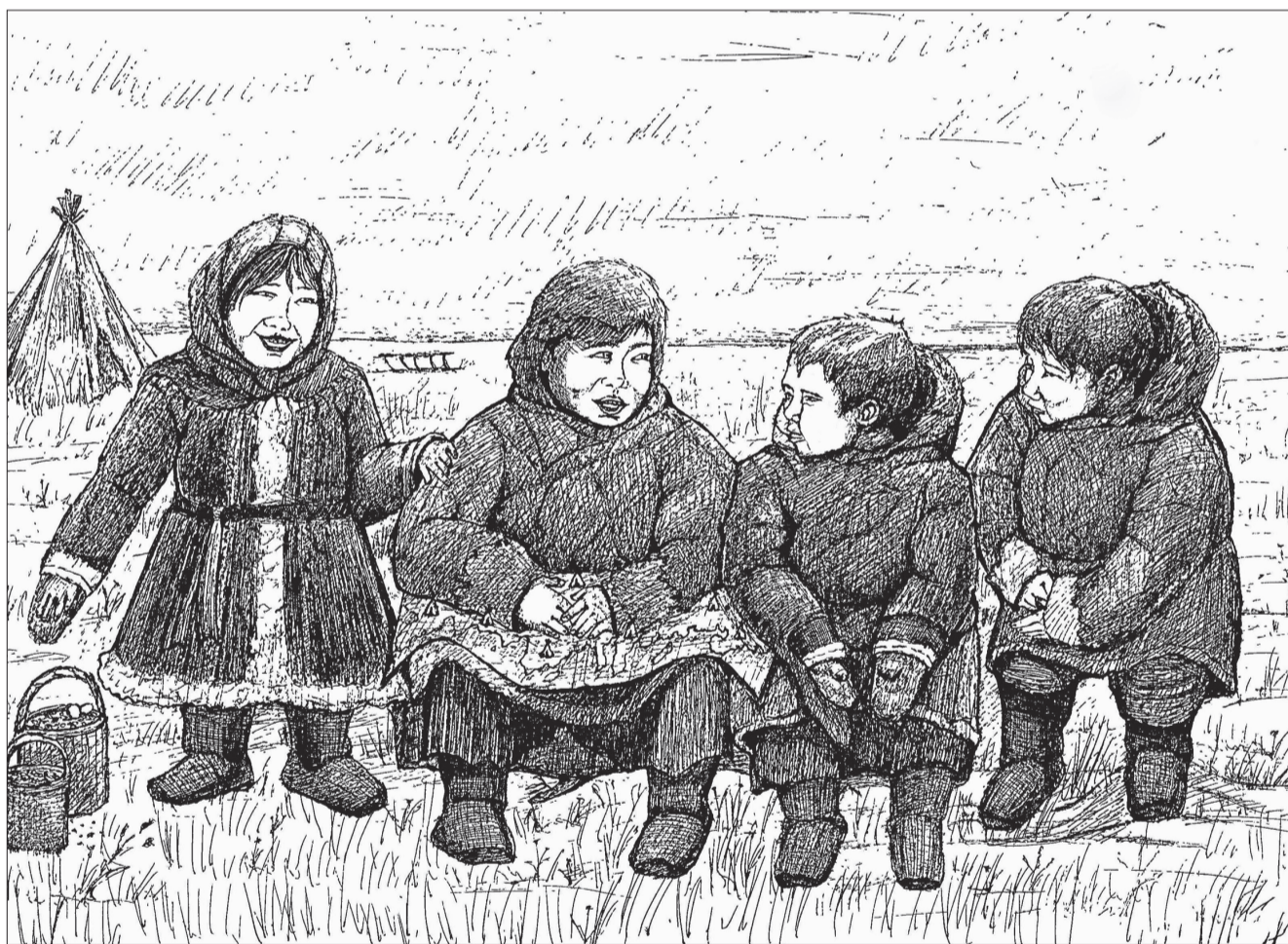

РИСУНОК АННЫ БАРЕНТИН

острове, дальше чум у Хасавако – в Архангельской области, где Нарьян-Мар.

Дальше Явко запнулся, потому что его палец дошёл до Ямала, он хотел бы сказать, что здесь его чум, но между его чумом и чумом Хасавако стоял ещё один – Ёртя.

– Ха-ха! А мой чум на Ямале! – обрадовался Ёртя. – Заходите почаще в гости, если любите мечтать... – вспомнил Ёртя слова из песни.

мама, идеальное место для него – Камчатка, а вон там, ещё чуть ближе, стоит их нарта с деревянной лодкой, пускай это будет остров Сахалин – он как раз похож на лодку. Теперь нам надо найти Москву, так что давайте пойдём к чумам.

Между чумом Сойко и чумом Хасавако ребята заметили особенно большой вандако (грузовая нарта) и все вместе оттащили его туда, где по карте должна быть Москва.

цвета, как нарисовано на карте, расположился Казахстан. Они даже нашли небольшую лужицу справа от вандако – Алтая, которую гордо назвали озером Байкал.

Расположившись на пустой нарте где-то в средней полосе Российской Федерации, ребята продолжили изучать и отмечать места на карте.

– Вот, смотрите, у нас здесь есть острова: Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, Се-

– Нет, это наши разведчики возвращаются с дарами.

– Надеюсь, дары у них жирные и вкусные, – сказал Сойко, снова встав на нарту где-то в средней полосе России...

«ПОЛЯРНЫЙ КРУГ» – ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА Г. САЛЕХАРДА

Полярный круг – газета нашего города!

Главный редактор газеты
Ларсен И.Н.

Учредитель – администрация г. Салехарда, ул. Свердлова, 48.
Издатель – администрация г. Салехарда, ул. Свердлова, 48.

Газета зарегистрирована Уральским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации и печати. Регистрационное свидетельство № Е-0115, выдано 28 апреля 1995 года.
Индекс: П7864 – полгода, П8318 – год.

Адрес редакции: 629007, г. Салехард, ул. Сандалова, 2.
Телефоны: гл. редактор 4-56-59; зам. редактора 4-13-89; корреспонденты 3-20-47; отдел рекламы и частных объявлений 4-18-51 (факс).
E-mail: polkrug@slh.yanao.ru

Газета отпечатана в АНО «ЯМАЛ-МЕДИА», мкр. Б. Кнунянца, 1. Время подписания в печать: по графику – 17.00; фактически – 17.00. Заказ № 0355/2. Тираж 1000 экз. Формат А-3. Печать офсетная. Свободная цена.